

Миссия русской культуры

Сегодня мы живём перед вызовом глобализации, которая в худших своих проявлениях обрачивается унификацией и обезличиванием. Но есть и другое понимание стратегий и механизмов глобализации. Например, митрополит Антоний Сурожский в своё время отмечал, как одну из главных особенностей нашего времени, возможность встречи и диалога самых разных людей и культур. В данном контексте особую ценность приобретает уже не общее, а уникальное начало в каждом народе и каждой культуре. И в то же время это уникальное есть их всемирная миссия – то, чем они смогут поделиться с остальными. Поэтому забвение, обеднение и вульгаризация национальных культур будет означать культурное обеднение всего человечества.

Какова же тогда мировая миссия русской культуры? Что говорили об этом отечественные мыслители: философы и литераторы?

Как известно, процесс культурной самоидентификации народов России нашёл своё выражение в историософской разработке понятия «русская идея». В трудах отечественных мыслителей это понятие имеет два значения: широкое и узкое, философское и идеологическое. В общем смысле в понятии «русская идея» отражается весь спектр уникального русского духа и русской культуры. В узком смысле «русская идея» есть понимание миссии России, иными словами, представление о её всемирной культурно-исторической и религиозной задаче.

Начиная со времён Крещения Руси, первые русские христианские мыслители (митрополит Иларион, «Слово о законе и благодати»; летописец Нестор, «Повесть временных лет») утверждают, что во всемирной истории у русского народа уникальная миссия, связанная с осуществлением истинно христианского, т. е. православного идеала, который, по утверждению новомученика архиепископа Илариона (Троицкого), «есть не прогресс, но преображение».

Митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати» отмечал, что именно Русь теперь становится хранителем Христовой истины и благодати. Нестор в «Повести временных лет» историю Руси осмысливает в свете провиденциально-мессианской идеи. «Повесть временных лет» есть не обычная хроника, но философско-исторический труд, христианская философия русской истории. Нестор исходит из предпосылки «Божественного промысла», который ведёт племена и народы к высшей цели – вхождению в Царство Божие.

В начале XVI века монах Филофей становится основоположником новой идеологии – учения о «Москве – третьем Риме». Ему в русской мессианской мысли принадлежит, несомненно, ключевое место. Главная мысль Филофея: «Итак... все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать». В этой формуле с предельной ясностью выражается смысл русской идеи, а также характер её всемирно-исторической миссии. Русский народ, по Филофею, призван стать духовным и политическим вождём христианского мира.

В XIX веке к данному вопросу обращаются славянофилы, а также близкий к ним по взглядам Ф.М. Достоевский. Как и их предшественники, славянофилы видели сущность русского духа именно в православии. Они разделяли мысль о провиденциальном, всемирно-историческом значении русского народа. Как глубоко религиозные мыслители (и в то же время люди культурные), они полагали, что истинный путь и судьба России, смысл её национальной идеи заключаются в создании целостной и самобытной православной культуры.

У славянофилов, и особенно у Достоевского, происходит отождествление народа русского и народа церковного. Несомненно, что в таком отождествлении проявляется некая идеализация.

Наиболее сильно эта тенденция проявилась в Пушкинской речи Фёдора Михайловича Достоевского (1880 г.) и особенно в авторской апологии этой речи в Дневнике писателя за 1880 год. Первый период творчества поэта характеризуется в основном подражанием европейским литераторам. Это период ученичества и освоения поэтического

мастерства. К нему Достоевский относит, к примеру, начало «Онегина», поэму «Цыганы» и др. Второй период – время, когда поэт «нашёл уже свои идеалы в родной земле» и создал в своих произведениях «целый ряд положительно прекрасных русских типов». Третий период определяется созданием таких произведений, «в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении». В этот период Пушкин обращается к так называемым «мировым проблемам», в частности, темам Фауста, Дон-Жуана и другим. Здесь Достоевский отмечает у Пушкина такую черту русского гения, как «всемирная отзывчивость» и стремление «ко всемирности и ко вселеновечности». Таким образом, можно утверждать, что основной идеей Пушкинской речи Достоевского является утверждение грядущего, неотвратимого, вполне закономерного движения народов Европы и мира к сближению, братству, вселеновечеству. Отсюда следует и представление о задаче писателя, а также миссии русской словесности – послужить делу укрепления будущего братства и воссоединения людей.

Конечно, Достоевский говорил не только о Пушкине и не только о миссии русской литературы, а также и о миссии всей русской культуры. На примере творчества Пушкина Достоевский хотел объяснить своим современникам, а также и потомкам мессианский смысл русской культуры. При этом Достоевский говорил о пророческом содержании творчества Пушкина и воспринимал его личное творчество как основную проекцию для грядущих творцов.

Денис Макаров,
профессор кафедры философии УлГПУ